

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.6

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-1-102-117

**УЛИСС В КУЛЬТУРНЫХ ДЖУНГЛЯХ:
НАСКОЛЬКО ЭМПИРИЧНА МОДЕЛЬ ШВАРЦА?****Кузнецов Александр Евгеньевич**Пермский государственный национальный исследовательский университет*

Вопреки тенденции отождествлять ценности с нормами и убеждениями, а также изучать их методами непосредственного наблюдения, Хэтчен предлагал рассматривать нормы как действующие критерии управления поведением, остающиеся для действующего невидимыми и неподотчетными. Мы считаем, что предложение Хэтчена находит поддержку в случае применения обоснованной теории в версии Глезера при анализе интервью о ценностях. Статья иллюстрирует применение теоретического кодирования во фрагменте интервью, основанного на индикаторах проекта кросскультурного исследования ценностей Шалом Шварца, и проведенного в рамках проекта апробации индикаторов модели Шварца. Результаты кодирования ответов респондентов на вопросы интервью дают основания сомневаться в том, что результаты интерпретации в модели Шварца отражают действительные представления респондентов о ценностях. Ответы респондентов в наших интервью не подтвердили, что (1) ценности подотчетны респондентам и являются «убеждениями» или предметом «убеждений», (2) опыт респондентов интерпретируется через категорию «выбора» или «предпочтения», (3) ответы респондентов о сходстве с образцами ценностно-ориентированного поведения могут быть приравнены к отчетам о значимости самих ценностей. Таким образом, наша апробация индикаторов модели Шварца не обнаружила подтверждений трех (вероятно, базовых) презумпций указанной модели.

Пример анализа посредством теоретического кодирования приведен нами для демонстрации способности указанной техники к обнаружению в тексте т.н. «эмержентных» структур знания (в нашем случае *chiasmus*), аналитически эксплицирующих ценности респондентов в области организации собственного опыта.

Ключевые слова: ценности; теоретическое кодирование; позитивизм; обоснованная теория.

**ULYSSES IN THE CULTURE JUNGLE:
HOW EMPIRICAL IS SCHWARTZ'S MODEL?***Alexander E. Kuznetsov**Perm State University*

Against the prevailing tendency to identify values with norms, beliefs, etc. and of studying values by way of direct observation, Hutcheon proposed to view values as operating criteria that direct behaviour while remaining invisible to agents and, for that reason, unaccountable. We find Hutcheon's conjecture amazingly keen except that we find support in Glaser's version of grounded theory. We defend the GT against some criticisms and employ theoretical coding to test the claim of the model of Schwartz to having grounded its findings in observations. We find that respondents' answers do not support the way model interprets them. Responses failed to back the three important claims Schwartz's model makes, i.e. (1) that values are accountable and, therefore, are *beliefs*, (2) that respondent's experiences can be categorized in terms of *choice* or *preference*, (3) that responses to questions

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 14-03-00155).

about *likeness* to some exemplary displays of values-laden behaviour are responses about the significance of values. The example of Glaser's theoretical coding employment on the data we bring in, is meant to substantiate the GT's claim to managing the capacity of discovering *emergent* structures of knowledge (the rarest *chiasmus* in our case). Such structures may analytically lead to values that guide humans in organizing their experiences.

Key words: values; theoretical coding; positivism; grounded theory.

Социологическая теория и практика уделяют большое внимание изучению регулярного поведения людей. Исследование институтов социального контроля, девиации предполагает объяснение поведения в терминах выбора, а выбор — в терминах руководящих принципов, т.е. норм и ценностей. Однако теория ценностей в социологии развита слабо, и остается соглашаться с оценкой: «исследование ценностей со всей очевидностью пребывает в донаучной стадии развития» [25].

Иное состояние вопроса в других поведенческих дисциплинах: в экономике, науке менеджмента и психологии исследование ценностей — тема, разрабатываемая давно и активно. Цель настоящей статьи — ответить на вопрос, почему для развития темы ценностей (в рамках теории действия в целом) социологии следует обратить внимание на наработки не указанных выше смежных наук, а моральной философии. В рамках отдельной публикации такой ответ, конечно, может быть дан лишь отчасти и — в целях иллюстрации — на примере одного конкретного проекта.

Краткий, но исчерпывающий сравнительный обзор методологий дан в работах [5, 34]. Одним из авторитетных несоциологических исследовательских предприятий по теме является многолетний проект Ш. Шварца и соавторов [напр.: 39, 40, 41]. Влияние позитивистской традиции изучения ценностей подчеркивает растущее число проектов и публикаций [напр.: 22, 23, 24, 47, 48]. Внимание к этому подходу диктуется стремлением практиков найти способы прогнозирования и управления человеческим поведением. Подход развивается как отдельная школа в контексте довольно вялого диалога по вопросу прочности его исследовательских установок — он не раз подвергался критике по методологическим и методическим основаниям [31, 43] и лишь sporadически защищался авторами-разработчиками [напр.: 21].

В настоящей статье модель Шварца (далее — МШ) рассматривается лишь в рамках вопроса о способности эмпирических индикаторов вопросника служить сбору таких данных, которые могли бы подтвердить либо опровергнуть мнение Шварца об эмпирической реализации его теоретической модели [напр.: 15, р. 32].

МШ применяет инструменты в разных версиях. Нашу апробацию мы проводили на базе варианта инструмента, принятого к применению в European Social Survey (ESS) и в России [2]. В 2014 г. пермской группой проекта ЦИСИ ИФ РАН «Социокультурная эволюция регионов России» был проведен опрос (n=1000) с применением части индикаторов МШ, а в мае–июне 2014 г. — серия интервью с целью апробации МШ (18 респондентов в возрасте 20–70 лет, принадлежащих к 4 группам: учащиеся, пенсионеры, наемные работники, предприниматели). Продолжительность интервью составляла от 1,5 до 2 и более часов. 18 полуструктурированных интервью (вопросы предъявлялись в одной и той же последовательности и в переводе [2]) дали 378 ответов (на 21 основной вопрос и в среднем 5–7 вспомогательных и уточняющих вопросов по каждому основному вопросу в каждом интервью).

Интерпретация ответов респондентов определяется не анализом данных, а теорией, положенной в основу всего исследования. Категория ценности является центральной для МШ.

«Если мы заключаем, что ценности — не то же самое, что идеалы, нормы, желаемые объекты или признаваемые убеждения насчет “нравственного” (the “good”), но, напротив, суть рабочие критерии для действия (operating criteria for action), тогда мы должны признать, что они не поддаются непосредственному наблюдению и измерению. Отсюда следует, что ценности могут быть только логическим путем выведены из поведенческого выбора — а не из того, что люди говорят о своих убеждениях, обязанностях и желаниях» [25]. В рамках настоящей статьи и в пределах рассматриваемых подходов мы рассматриваем 2 случая такого выбора: (1) выбор респондентом ответа (в вопроснике МШ) и (2) выбор способа описания своего опыта (в исследовании-апробации МШ). Если первый из указанных случаев выбора — довольно известная презумпция позитивистского подхода (выбор респондентом варианта ответа есть в то же время его согласие с соответствующей интерпретацией/операционализацией исследуемого феномена, проведенной исследователем «за спиной» респондента), то второй случай требует обращения к принципиально иной исследовательской традиции,

в которой подходы к анализу данных — предмет полемики.

Для анализа ответов респондентов мы опираемся на теоретическое кодирование, предложенное Барни Глезером [14]. Мы полагаем, что, отвечая на вопрос о ценностях, респондент должен рассуждать о ценностях, и материал его ответа должен служить гарантией тому, что интерпретация исследователем индикаторов инструмента и интерпретация их же респондентом — имеют своим предметом один и тот же феномен.

Авторские описания МШ не дают непротиворечивого представления о понимании «ценности». Например, Э. Давидов и др. утверждают, что «теория определяет ценности как желательные транситуативные цели, различающиеся по важности и служащие руководящими принципами человеческой жизни» [6]. Однако Ш. Шварц отрицает, что ценности являются детерминантами поведения: в отличие от характеристик (traits) действительного поведения и личностей людей, ценности определяют важность, а не действительность поведения. Тот же обзор сначала утверждает, а затем отрицает, что ценности являются убеждениями (belief), — убеждения характеризуют истинность идей, а ценности — их важность [41].

В апробации мы все же использовали (более традиционное для МШ) определение ценностей через категорию убеждения (belief), поскольку такое определение необходимо для базовой презумпции всей модели — при ответе на вопросы респонденты должны понимать, о чем идет речь, должны иметь некое эксплицитное (не подразумеваемое и не подсознательное) представление о предмете вопроса.

Шварц называет 5 составляющих концептуального определения ценностей, по которым имеется согласие разных авторов: «Ценность — это (1) убеждение (2) относительно желаемых целевых состояний или способов поведения, которое (3) выходит за рамки отдельных ситуаций, (4) направляет выбор или оценку поведения, людей и событий и (5) упорядочено по значимости относительно других ценностей внутри системы ценностных приоритетов» [8, р. 20]. Однако формулировка вопроса отнюдь не реализует (не предъявляет респонденту) именно этот концепт. Общая преамбула вопроса «Насколько похож или не похож на Вас человек, которому важно...» завершается именем целевого стимула (item), например, «...придумывать новое и подходить ко всему творчески, которому нравится делать все по-своему, своим оригинальным способом?»

Поскольку описание стимула не называет явно компоненты определения (2 — цель, 3 — независимость от ситуации, 4 — выбор), основной вопрос дополнялся вопросами вспомогательными. Вопросы интервью задавались по схеме: (1) вопрос в формулировке модели, (2) вопрос «Отвечая на этот вопрос, какие ситуации вы представляете?», (3) вопрос «В каких ситуациях для вас наиболее характерно (поведение по формулировке вопроса)?», (4) «В каких ситуациях для вас наименее характерно...?», (5) «В этих ситуациях могли бы вы вести себя иначе?», (6) «Можете ли вы объяснить, почему вы предпочли поступать именно таким образом?» (всего 21 основной вопрос со стимулами). В случае, если интервьюер считал, что ответ на основной вопрос уже включал явный ответ на подвопрос, последний не задавался.

Заметим, что, строго говоря, измеряется не *важность стимула* (как требует определение ценности в МШ, даже с учетом разночтений), а только *степень сходства* — т.е. фактически измерению подвергается именно *характеристика* (trait) поведения абстрактного «похожего» человека, против отождествления ценности, с которой автор МШ высказывается в работе [41]. Таково и оригинальное задание в инструменте МШ: «Please read each description and think about how much each person is or is not like you. Tick the box to the right that shows how much the person in the description is like you» [6]. Формат ответа — симметричная шкала с 6 альтернативами («совершенно/полностью (не)похож», «(не) похож», «скорее (не) похож»).

Таким образом, переход от теории к индикаторам в инструменте содержит уже на уровне операционализации 2 несоответствия: (1) определения ценности и вопросного задания, (2) определения целевого стимула. Респонденты должны были считать, что их просят оценить сходство, а не важность, оценить характеристики, но не выбор в ситуациях.

Анализ инструмента не позволяет утверждать, что респонденты выполняли именно то вопросное задание, какое было положено в основу интерпретации их ответов. Окончательная оценка соответствия содержания интерпретации и содержания данных требует анализа ответов респондентов. Общеизвестно, что правильных подходов к анализу естественных текстов нет и предлагаемый нами подход, возможно, лишь один из многих. Задача нашего анализа ответов определена еще Джеймсом Спэйтсом: «Пока мы не знаем, действительно ли ценностные категории, использо-

ванные для классификации, присущи изучаемому населению — т.е. пока мы не можем быть убеждены, что ценности, претендующие на описание населения, действительно принадлежат ему, а не являются просто плодом воображения (*figment*) теоретика — мы не можем знать, адекватно ли описание или нет» [43, р. 35].

Проблема адекватного или «полного» описания впервые была поставлена как принципиальная в этнометодологии. Основоположник конверсационного анализа Харви Сакс (*Sacks*) считал, что социология, чтобы стать наукой, должна работать с буквальными описаниями предмета своего исследования; но достижению такого описания препятствует ее опора на «описательный аппарат», покоящийся на неэксплицированных допущениях. Чтобы описать поведение, следует понять *способ* поведения [42, р. 351]. Что могло бы послужить критерием такой «буквальности»? Сам Сакс в работе, на которую ссылается Сильверман [3], говорит, что здесь речи не может быть о соответствии описания феномену. (Действительно, одно описание адекватно другому описанию, один феномен — другому феномену.) Сакс в комплиментарной оценке вклада Маркса — он положил конец «наивной социальной теории» — утверждает, что критерий адекватности должен быть практический. Эта позиция разделяется, по видимому, в GT. В версии Глезера критерий «рабочести» («*workability*») описания — его ориентация на потребности людей, а также на решение их проблем [20]. В этом смысле адекватность интерпретаций с применением указанного вида кодирования может быть легко подтверждена. В нашей учебной практике теоретическое кодирование — как и предполагал Глезер — оказалось очень продуктивным в плане генерации идей для анализа и уточняющих вопросов. Студенты после ряда упражнений научаются распознавать теоретические коды в интервью.

Следует указать в то же время, что теоретические коды являются не средством, а результатом анализа. Вероятно, Глезер обнаружил коды в данных, а не в теории, как подозревают комментаторы [напр., 28]; это соответствует его же заявлению, что GT была «обнаружена» (*discovered*), а не «изобретена» [15]. В нашей практике процесс перехода от данных к кодам оказался очень близок к методике анализа доменов и таксономий, предложенной Джеймсом Спрэдли (*Spradley*) в 1979 и 1980 гг. (Сальдья, к слову, включал эти аналитические процедуры в селективное кодирование — наряду с кодированием теоретическим [36]). Спрэдли усматривал в данных интервью и вклю-

ченного наблюдения т.н. «домены» — комплексы событий/действий/объектов, объединенные семантическими отношениями (обнаруженные Спрэдли в материалах наблюдения большого жюри присяжных). Очевидно, что семантические отношения Спрэдли — не аналитические, а *эмпирические* объекты («объекты», поскольку они буквально даны как элементы реальности и как таковые распознаются в ней наблюдателем):

1. Строгое включение (X — это род Y).
2. Пространственное (X — это часть/точка в Y).
3. Причина-эффект (X — это результат Y).
4. Разумное объяснение/обоснование (*rationale*; X — это причина Y).
5. Локализация действия (*location-for-action*; X — это место совершения Y).
6. Функция (X используется для Y).
7. Средство-цель (*means-end*; X — это способ совершить Y).
8. Последовательность (*sequence*; X — это шаг/этап в ходе Y).
9. Атрибуция (X — это атрибут/характеристика Y) [44, р. 93].

Поскольку перечисленные отношения со всей очевидностью принадлежат как реальности, так и организации представлений о ней (в обыденном сознании в т.ч.), постольку обучение теоретическому кодированию опирается на подразумеваемое знание (*tacit knowledge*) о мире. В процессе обучения человек делает свои способы организации опыта очевидными для самого себя. Так, если способ построения описания в данных (ответа респондента, нарратива информанта) совпадает со способом анализа описания, то коды действительно возникают из данных, и поэтому коды эмерджентные, анализ рефлексивный, а описание буквальное. Таким образом, в основе работы с кодами лежат не имена кодов, а семантические отношения. Соответственно, данными в тексте являются отнюдь не коды, а домены. Перечень же кодов, предложенный Глезером, — лишь пособие в распознавании доменов, данных в тексте. Именно в этом качестве он был изначально предложен Глезером, критики же приняли операцию *именования* доменов (кодами Глезера) за операцию *определения* доменов (отношениями Спрэдли). Так, Келле [28, р. 207 и след.] считает теоретические коды «эвристическими инструментами (*heuristic devices*) с ограниченным эмпирическим содержанием». То же может быть сказано и о семантических отношениях, если рассматривать их *в отрыве от данных* (т.е. доменов), — как перечень [14, 44], а не реальные эмпирические

способы организации опыта, применяемые людьми в жизни и в описаниях. Критики при чтении источников ошибочно кодировали теоретические коды Глезера (и неизбежно семантические отношения Спрэдди) как «ТИП-семья» (отсюда Шармаз считает, что коды «пересекаются» [4, с. 65–66], что является ошибкой классификации), в то время как следовало кодировать «ИЗМЕРЕНИЕ-семья» (и «АТРИБУЦИЯ-отношение»: автор, рассказчик, респондент *приписывает* реальным объектам в своем опыте то или иное семантическое отношение, а читатель/слушатель/аналитик распознает его и понимает, какой именно способ — «СТРАТЕГИЯ-семья» — применяет говорящий для организации своего опыта в здесь-и-сейчас своего текста). GT действительно рефлексивна.

Спор о применении теоретических кодов принципиален для развития GT. В версии Глезера она основана на применении кодов как средство эмерджентного генерирования категорий из текста. Комментаторы, посчитавшие коды *результатом* кодирования, обратили их применение в критику насильственного наложения (*forcing*) теории на данные. Коды Глезера эклектичны [4, 27]. Происхождение кодов из разных теоретических традиций и концепций (отсюда «эклектизм») еще не является недостатком, по крайней мере, до тех пор пока одна из традиций (концепций) не декретирована в качестве единственной верной. Нам неизвестны работы, где критика теоретического кодирования велась бы по результатам применения методики. Наш опыт применения теоретических кодов в анализе транскриптов (в т.ч. и в учебной деятельности) свидетельствует о том, что освоение этого вида кодирования должно быть практическим. Сам Глезер, защищая GT, призывал: «Доверьтесь обоснованной теории... Просто возьмите, примените и опубликуйте!» [цит. по: 33, р. 38] Сильная прагматическая ориентация обоснованной теории (далее — GT) проявилась в критике Глезером формализации теории в версии Стросса–Корбин [45]. Глезер столь же резко выступает против конструктивистской версии GT, предложенной Кэти Шармаз [29]. Он реалист, убежденный в объективности внешнего мира [17].

Мы полагаем, что предложение Глезера является независимым шагом в том же русле развития, в каком этнографическая (Спрэдди) и этнометодологическая (Сакс и соавторы [см., напр.: 35]) традиции ищут способ построения полного описания феномена. Теоретическое кодирование

Глезера может быть обращено как на тексты, внешние по отношению к теории, так и на тексты самой теории — эмерджентность является одним из аспектов рефлексивности. Приведем сокращенный перечень, исключив малоприменимые семьи кодирования:

1. С-семья (источники, причины, усилия, последствия, объяснения, условия, контекст и т.д.).
2. Процесс-семья (стадии, переходы, последовательности).
3. Степень-семья (уровень, степень, интенсивность, количество).
4. Измерение-семья (часть, свойство, аспект).
5. Тип-семья (типы, классы, жанры, прототипы, классификации).
6. Стратегия-семья (стратегии, тактики, техники, механизмы, управление).
7. Интеракция-семья (взаимодействие, взаимозависимость, взаимность, симметрия, ритуалы).
8. Идентичность-самость-семья (идентичность, образ Я, самовосприятие, самооценка, трансформация идентичности, образ другого).
9. Переломный момент-семья (*cutting-point family*: пограничное или критическое положение дел, поворотный момент, порог чувствительности, точка невозврата).
10. Средства-цель-семья (цель, предназначение, задача, предвиденное последствие, продукт).
11. Культура-семья (социальные нормы, ценности, убеждения, чувства).
12. Консенсус-семья (договор, соглашение, определение ситуации, подчиненность, однородность-разнородность, конфликт, разногласие) [14, р. 75–82].

(Русскоязычному читателю перечень доступен пока только в переводе с другого перевода — не самого полного и комплиментарного [32, р. 96].)

Семьи кодирования ассоциируются с семантическими отношениями, причем т.н. «форма отношения» (в скобках в списке Спрэдди выше) помогает определить в тексте «включенные термины», состоящие в этих отношениях.

Непосредственное сравнение результатов, полученных в разных теоретико-методологических традициях, невозможно, поскольку различны исходные предположения о природе мира и метода. Нет, следовательно, общих оснований для самой процедуры сравнения. Это ограничение игнорируется теми исследователями, которые ищут подтверждения объективности своих данных или выводов в воспроизводимости результатов наблюдений. Таким образом, действительно устанавли-

вается объективность, однако как характеристика отношения результатов и метода, а не метода и мира. Иными словами, неоднократное повторение процедуры с одним и тем же результатом свидетельствует о дисциплине исследователя, но никак не характеризует основания для выбора исследовательской методологии. Поскольку многократное повторение ошибки, совершенной при переходе от мира (определения феномена) к методу (выбору индикаторов), никак не служит ее исправлению и не приближает исследователя к ее осознанию, репликация результатов, полученная при намеренном подборе разных объектов исследования (популяций, феноменов) — например, разных культур — столь же мало служит установлению объективности, сколь репликация, полученная в одной и той же выборке (популяции). Чтобы избежать подобных «методологических граблей», исследователь должен обратиться к анализу интерпретаций феномена в более полных описаниях.

Такое описание является результатом работы респондента. Работа респондента с вопросным заданием — интерпретация вопроса, вспоминание и поиск требуемой информации, формирование ответа — предположительно сложный, многоступенчатый процесс [38, 46]. Содержание описания должно соотноситься с ключевой категорией, с целевым стимулом в вопросах. Согласно МШ, «ценность — это (1) убеждение (2) относительно желаемых целевых состояний или способов поведения, которое (3) выходит за рамки отдельных ситуаций, (4) направляет выбор или оценку поведения, людей и событий и (5) упорядочено по значимости относительно других ценностей внутри системы ценностных приоритетов» [8, р. 20].

Для апробации мы берем компоненты «убеждение» (1), «целевые состояния» (2), «выбор» (4). Компонента 5 не может быть проверена из-за указанной ранее ошибки в вопросах. Компонента 3 не определена в самой МШ. Понятие «ситуация» может иметь целый ряд значений. В наиболее буквальном значении это «материальная обстановка» (setting) [напр.: 19]. В наиболее небуквальном — коммуникативная ситуация. Сэвил-Тройке [37, р. 24–25] включает ее в число единиц анализа, предложенных Деллом Хаймсом (Hymes), наряду с коммуникативными событием (event) и действием (act). (Сам Хаймс, правда, отдает авторство «ситуации» Хабермасу [26, р. 53].) Ограничиваемся более узко очерченными параметрами определения феномена.

Определение ценности требует ожидать от респондентов описаний, содержащих указания на желания и предпочтения (КУЛЬТУРА), на объекты предпочтений, обладающие ценностно-окрашенными атрибутами (ИЗМЕРЕНИЕ), на специфику ситуаций (ТИП и ИЗМЕРЕНИЕ). Заявления о предпочтениях (КУЛЬТУРА) и о наличии у объектов предпочтений атрибутов привлекательности либо непривлекательности (ИЗМЕРЕНИЕ) — наиболее близки к теме ценностей. Однако для того чтобы предпочтения и атрибуты соотносились именно с ценностями, а не нормами, атрибуты должны содержательно различаться на уровне индикаторов, т.е. событий в самом тексте. Рассмотрим далее фрагмент интервью с целью:

- (1) продемонстрировать работу с теоретическими кодами как процесс эмерджентный (движение описания от данных к теории, а не от теории к данным);
- (2) продемонстрировать, руководствуется ли респондент ценностями и осознает ли их.

Для иллюстрации возьмем ответ, апеллировавший к именно способам КУЛЬТУРА, СТЕПЕНЬ и ИЗМЕРЕНИЕ. В ответах респондента (женщина 40–49 лет, высшее образование, инженер) обращает на себя внимание точное понимание вопросного задания (04 «сложно сказать, насколько похож»); зачастую респонденты воспринимали тему вопросов ошибочно — как «Какой я?» либо «Что я хочу?».

01 И: Насколько похож или не похож на Вас человек,

02 которому важно жить в безопасном окружении,

03 избегать всего, что может угрожать его безопасности?

04 Р: (.) ну сложно сказать, насколько похож — [СТЕПЕНЬ: «насколько»]

05 во всяком случае, мне хотелось бы жить в такой среде — [КУЛЬТУРА: предпочтение: «такая среда»]

06 и хотелось бы быть именно таким человеком, который живет именно в такой среде [КУЛЬТУРА: предпочтение: «такая среда»].

07 Но: понятно, что (1.5) окружающий мир преподносит иногда (1.5)

08 ну ситуации, в которых ты, к сожалению (1.5), не — оказываешься в безопасности [С: следствие: «окружающий мир» — ИСТОЧНИК «ситуаций»].

Выполнив задание «Оценить степень сходства» (04), респондент переходит к модели описания «Я хочу быть/делать». Измерение *важности* безопасности в этом ответе не происходит. Ход рассуждения респондента мы комментируем по форме [КОД: основание для присвоения кода: индикатор в тексте]. Как это видно из первого и последующих фрагментов, индикаторы в тексте, как правило, пустые: «такая среда», «такие условия». В действительности респонденты очень редко прибегают к явным атрибуциям. Первая атрибуция, которая явно реферирует к искомой теме, встречается в последней (72-й) строке ответа: «Пассивно себя веду — наверное, это неправильно», — говорит респондент, однако мы не знаем, относится ли это «неправильно» к ценностям либо к нормам.

09 И: А какие ситуации вы могли бы в качестве примеров привести? [ТИП: строгое включение - X это род Y]

10 Ситуации опасности.

- 11 Р: Ну вот в частности — действия коммунальных служб — [С: источник]
 12 на территории двора — [ТИП: пространственное отношение]
 13 то есть разрытые котлованы, не закопанные — [ИЗМЕРЕНИЕ: атрибуция опасности]
 14 неделями. [ПЕРЕЛОМНЫЙ МОМЕНТ: порог чувствительности]
 15 Т.е. это как бы — к сожалению — мне неподвластно — [СРЕДСТВА-ЦЕЛЬ: нет средства]
 16 но я бы хотела жить, конечно, не в таких условиях. [КУЛЬТУРА: предпочтение: «такие условия»]
 17 Ситуация на дорогах. [ТИП: пространственное отношение]
 18 Т.е. правила дорожного движения соблюдаются — [С: источник]
 19 как бы ну так скажем — условно
 20 и не всегда человек даже на пешеходном переходе —
 21 оказывается в ситуации — так скажем — достаточно опасной. (.) [С: следствие: «оказыва-ется»]
 22 ну пожалуй — вот.
 23 Ну — за исключением — даже может быть не за исключением,
 24 а тех же самых самолетов и поездов —
 25 то понятно, что в таких ситуациях — не прогнозируемых —
 26 избежать их не удастся. [СРЕДСТВА-ЦЕЛЬ: нет средства].

В этом фрагменте (09–26) мы видим переход от категории ТИП (опасных ситуаций) к категории СРЕДСТВА-ЦЕЛЬ (бессилие респондента в них). Этот переход стихийный, он происходит без вмешательства интервьюера. Тот же результат рассуждения был в первом фрагменте (04–08) и будет в следующем (32–40).

27 И: Получается, вы не считаете безопасными ситуации,

28 когда вы где-то находитесь, куда-то идете, едете, летите —

29 ощущаете ли вы себя в безопасности дома? (1.0)

30 Ощущаете ли вы себя в безопасности относительно своей собственности? (1.0)

31 Как бы вы ответили на такой вопрос?

32 (2.0) ну: д- (0.5) как бы я думаю, что —

33 в моем понимании —

34 в достаточной мере я ощущаю себя (1.0) безопасно дома, [КУЛЬТУРА: чувства]

35 потому что я в принципе ответственный квартиросъемщик (.) (смех) [ИДЕНТИЧНОСТЬ]

36 коммунальные системы я держу в полном порядке — [СТРАТЕГИЯ: управление: «я держу»]

37 так что какие-то утечки газа, протечки воды —

38 значит, ну в моем жилище, я думаю, что их не будет — [СРЕДСТВА-ЦЕЛЬ: предвиденное последствие, продукт]

39 но, с другой стороны — случаются неадекватные соседи [С: источник]

40 против которых — к сожалению — [СРЕДСТВА-ЦЕЛЬ: нет средства]

41 тут уже я не могу ощущать, что я в полной безопасности, [КУЛЬТУРА: чувства]

42 поскольку я живу в многоквартирном доме. [ТИП: тип дома].

Фрагмент 29–42 имеет циклическую структуру — респондент возвращает тему рассуждения к ее началу в вопросе интервьюера (29). Более того, эта структура имеет практически полную симметрию — *chiasmus*: А(дом) – В(чувства) – С(стратегия) – D(средства) – E(источник) – D'(средства) – В'(чувства) – А'(дом). Центральная ось этой структуры (E) — кульминационный момент безопасности «дома» — вмешательство «неадекватных соседей». В строке 39 респондент осознает, что соседи — источник опасности. Отсюда определение категории «дом» меняется с «квартира» (35) на «многоквартирный дом» (42). Пропуск

С' — рассказа о безответственности соседей и угрозе — очевиден; рассказ избыточен, поскольку характеристика соседей и без него демонстрируется симметрией текста и поскольку дана атрибуция «неадекватные» (39). Этот фрагмент наиболее примечателен, т.к. в нем спонтанно применены мощные риторические приемы, в т.ч. крайне редкий *chiasmus*, поэтика которого раскрыта герменевтикой в исследовании библейских текстов.

Смена определения «дома» — классический пример «эмерджентности» — обнаружения в тексте домена по процедуре Спрэдди [44, р. 89 и след.]. Понятие «дом» отделяется (строка 42) от первоначального значения «квартира» (которое, конечно, имелось уже в вопросе, т.к. «дом» в строке 30 связан со «своей собственностью») и становится именем *домена* (*cover term*), а «квартира» и «многоквартирный дом» — включенными терминами (*included terms*), объединенными в домене общим семантическим отношением строго включения и кодом ТИП.

Этот семантический маневр совпадает со сменной темы «безопасность в доме» (А – D, строки 29–38) на «опасность в квартире» (D' – А', строки 40–42); значит, мы обнаруживаем апелляцию к *ценности безопасности*: квартира — более опасный «дом», чем собственный «дом». Однако для респондента это *подразумеваемое* знание, и мы должны были эксплицитировать его. Мы понимаем, что «неадекватные» и «многоквартирный» — более чем нейтральные определения ситуации респондента, потому что разделяем с респондентом *локальное знание*. Он не называет, как «утечки» и «протечки» связаны с ним и соседями, и почему и как именно они «неадекватны», однако это доступные нам «локальные рамки осведомленности» (*local frames of awareness*), понятные лексические антитезы и категорийные схемы [13, р. 6, 69]. Более того, нам известна *динамическая картина* происходящего: «локальные (*vernacular*) характеристики того, что происходит, связаны с локальными предвидениями (*vernacular imaginings*) того, что может произойти» [13, р. 215].

Отношения каузации очень важны для понимания того, что происходит в тексте и с чем. Близкие внешне коды С, СТРАТЕГИЯ и СРЕДСТВА-ЦЕЛЬ различаются по форме семантического отношения. С = X — это результат Y, где «утечки газа, протечки воды» (строка 37) это результат «случаются неадекватные соседи» (39). Код СРЕДСТВА-ЦЕЛЬ связан с отношением Функция (X используется для Y). Этот код становится актуален всякий раз, когда респондент оценивает *достаточность* своих усилий или ресурсов.

Общей для кодов С и СРЕДСТВА-ЦЕЛЬ является обязательность связи между причиной и эффектом: она *необходимая* в первом случае (т.к. респондент локализован в ситуации-следствии и знает причину своей ситуации) и *достаточная* во втором (т.к. локализация респондента — в ситуации-причине, а эффект — лишь ожидаемый, нормальный результат) [18, р. 4–5]. Здесь следует различать *события в тексте* и *события в мире*. Локализация респондента в ситуациях — событие в *тексте*. В действительности — в области реальных событий «за текстом» — респондент одинаково находится в ситуации факторов (причин, источников), а не эффектов: падение в яму, попадание в ДТП и в ЧП в доме (строки 13, 18, 24, 37) — всё это одинаково возможные *потенциальные* ситуации-эффекты. Однако только в последнем случае респондент вводит в свой опыт заведомо *завершенный* эффект — свои чувства (34, 41). Это результат, сфабрикованный самим респондентом, поскольку мы в равной мере могли ожидать аналогичных заявлений о фобиях в трех ранее упомянутых *незавершенных* опасных ситуациях, причем возможность предвидения и предотвращения их не играет никакой роли, как в случае крушения самолета или поезда (строка 24). Чувство тревоги не ожидаемый результат, а актуальное следствие поведения соседей. Значит, респондент локализует себя в ситуации-эффекте и потому код в строке 41 не только КУЛЬТУРА (чувства), но и (подразумеваемый) код С. Действительно, мы обнаруживаем соответствующий индикатор — невидимое до того событие в тексте. Респондент не говорит «я ощущаю» — он говорит «*тут уже я не могу* ощущать, что я в полной безопасности» (41). (Ситуации, когда коды верхнего уровня — мы обсуждаем здесь только их — строятся «поверх» подчиненных кодов, довольно обычны.)

Вопрос, почему именно угрозу, исходящую от «неадекватных» соседей, респондент выделил особо, может иметь массу объяснений. Причиной может быть ценность собственности, идея дома как близкого и безопасного пространства, ощущение бессилия против соседей («я не могу») и иные, казалось бы, лежащие на поверхности или «очевидные» причины. GT не работает с такого типа объяснениями. Этот момент важен в свете обычных обвинений непозитивистских способов анализа в субъективизме (отсутствии опоры на наблюдения). Апелляция к здравому смыслу в действительности — частый способ объяснения, вне зависимости от исследовательской традиции и величины выборки. Что именно обосновывает объяснение кросскультурной универсальности

паттернов ценностей в МШ общечеловеческой природой потребностей? У нас нет оснований отрицать существование универсальности ценностей или общечеловеческой природы, но почему они поставлены в причинно-следственную связь? Какие наблюдения служат опорой этому выводу? «Ценности структурированы одинаково в культурно различных группах. Это внушает (suggests), что существует универсальная организация человеческих мотиваций... Почему существует такая панкультурная иерархия ценностей? Она, возможно, происходит (derives) от адаптивных функций ценностей в сохранении сообществ и от нашей общей человеческой природы» [41].

В духе идеи (возможно, мифа) квазиэкспериментальной природы позитивистского проекта может быть предположен ментальный эксперимент — пусть общечеловеческая природа не характерна для некоторых человеческих коллективов. (Исследователи колониальной истории, возможно, не согласятся, что этот эксперимент *ментальный*.) Если универсальность ценностей наблюдается повсеместно, значит, общечеловеческая природа не является причиной. Если не наблюдается, но мотивации и ценности отчасти *составляют* человеческую природу — существование целого объяснено существованием частного. Это не причинно-следственное, а, вероятно, *тавтологическое* объяснение. Тавтологии не связаны выполнением условий истинности, они истинны при любых интерпретациях. Возможно, универсальность структуры ценностей и ее происхождение связаны не с наблюдениями, а с особенностями интерпретации категорий внутри самой МШ [1]: «десять мотивационно различных типов ценностей были выведены (were derived) из этих универсальных потребностей» [39].

Привлекательность тавтологий и психологизирующих объяснений обусловлена кажущейся очевидностью аргументов. Язык из средства *описания* становится орудием *объяснения*: так, атрибуции «универсальное» и «общечеловеческое», «существующее» и «сохраненное» кажутся взаимобъясняющими, а сомневаться в существовании носителей этих атрибуций — ценностей, сообществ и человеческой природы — становится равнозначным сомнению в существовании самого исследователя, объекта и предмета исследования.

Граница между описанием и объяснением в GT сохраняется благодаря непосредственной работе с фактами внутри текста и способности самой GT к рефлексии. Рефлексия обеспечивается тем, что одни и те же коды применимы к тексту, к интерпретации текста его же автором, к интер-

претации текста и авторской интерпретации исследователем. Этот процесс действительно можно назвать диалектическим. Тип объяснения в GT поэтому отличается от типа объяснения в квазиэкспериментальных проектах.

Теоретическая чувствительность в GT — не искусство чтения между строк. Соседство двух событий в тексте еще не означает, что они «ассоциируются» еще каким-то образом. Если бы мы приняли решение, что в строках 32–49 респондент начал говорить о действительно ценностных ситуациях («дом» и «я не могу ощущать») *и именно поэтому* респондент выбрал категоризацию своего опыта на более глубоком, эмоциональном уровне, то мы нарушили бы принцип движения от данных к выводам. Мы можем только утверждать: код КУЛЬТУРА во фрагменте 27–42 присваивается на основании «чувства», а не «предпочтения» (в рассказе о ямах во дворе или опасности ДТП). Это наблюдение, а не наш вывод, и оно не случайно — поскольку в указанном фрагменте о чувствах говорится дважды. Мы не можем за респондента принимать решения об организации его опыта. В аналогичном случае во фразе «коммунальные системы я держу в полном порядке — *так что* какие-то утечки газа, протечки воды» и т.д. респондент сам называет, какого рода отношениями он связывает события в мире — это отношение *причинения*, потому что индикатор «так что». Эта связка есть *его* действие в *его* тексте. В GT тексты — носители сведений о событиях в тексте, а не о событиях в мире. Ни один текст не может быть адекватным описанием внешней реальности, но любой текст является адекватным описанием работы автора с материалом своего опыта — в пределах полноты текста. По нашему убеждению, позитивистски мыслящие исследователи не всегда понимают это различие и склонны критиковать непозитивистские проекты за использование недостоверных описаний вне-текстовой реальности.

Мы знаем, что ситуацию дома респондент изначально не относил к опасным, а обратился к ней потому, что был задан вопрос (строка 29). В процессе рассуждения респондент сам переосмыслил ситуацию дома как опасную и даже более опасную, чем ранее описанные. Эта трансформация — результат работы респондента, а не нашей интерпретации. Результатом этой трансформации стала поразительная фраза — «тут уже я не могу ощущать, что я в полной безопасности» (41). Она замечательна тем, что первоначальная оценка была «я ощущаю себя безопасно дома» (34). Это противоречие респондент разрешает

корректировкой — вставкой слова «полной». Фраза «в достаточной мере» (34) допускает наличие «неполноты».

Во фрагменте 27–42 мы провели кодирование. Присвоенные нами коды — лишь отображение все того же текста. Рассмотрев текст и ряд кодов заново — теперь как целое, как первую рефлексию, — мы обнаружили ранее невидимые структуры: (1) структуру *chiasmus*, (2) домен, (3) корректировку первоначального ответа на вопрос. Все эти структуры были подчинены одной задаче — трансформации ответа, вызванной обнаружением в опыте источника, делающего дом опасной ситуацией, а изначальный ответ — недостоверным. Все обнаруженные нами события в тексте были спонтанными действиями самого респондента. Теперь, оценивая весь фрагмент — всё движение респондента в строках 32–42, — мы можем присвоить ответу код ПРОЦЕСС. Однако это только внешняя, формальная характеристика ответа. Содержательная сторона должна характеризовать *результат* процесса — достижение однородности, целостности в определении ситуации «Дома». (Это соответствует предположению Грайса о максимах разговора [см.: 16].)

Код СОГЛАСИЕ отражает стремление автора за счет выбора событий в тексте построить непротиворечивую картину мира. Поскольку этим стремлением респондент руководствовался в своих действиях в тексте — мы обнаружили ценность. Респондент продемонстрировал следование ценности быть достоверным, последовательным, убедительным — дать ответ, соответствующий вопросному заданию.

Этот результат получен нами выводным путем. Сам действующий не осознавал принцип, критерий своих действий. Следовательно, определение ценностей, предложенное Хэтченом, имеет эмпирическое подтверждение.

Предложение Хэтчена в целом основано на критике определений, допускающих ошибку *reductio ad infinitum*: если ценность — *подотчетный* критерий выбора или предпочтения объекта, состояния или способа действия, тогда агент должен иметь объяснение, почему ее выбор/предпочтение пал на тот, а не иной критерий. Это объяснение должно указывать на ценность *второго* порядка — определяющую выбор между критериями *первого*, и т.д. до бесконечности. В конечном итоге даже выбор иметь критерий или не иметь — действовать сообразно критерию либо беспорядочно, без критериев — также требует иметь критерий для выбора. Таким образом, даже если мы считаем, что критерий только один

(например, сверхъестественный) и выбирать между критериями необходимости нет, бесконечность сводится к абсурду. Ценность, следовательно, не может быть подотчетна самому действующему — не может быть *убеждением*. Вероятно, респонденты не могут давать ответы о *любых руководящих началах* своих действий.

Клакхон, сводивший ценности к нормам, еще в начале проекта исследований ценностей в антропологии не воспринял мнение Лепли (Ray Lepley) и Лундберга об опасности выделения ценностей в качестве особых качеств или сущностей [30, р. 391, 393, 395]. Доминирующая до сих пор традиция отождествления ценностей с нормами, идеалами, объектами, оценками, ориентациями, установками и даже вероятностями [25] — традиция очень давняя и устоявшаяся. В значительной мере это связано с удобством восприятия этой традиции исследователями-приверженцами теорий рационального выбора. С другой стороны, ценности необходимы для оценивания целей и средств, без оценивания теория рационального выбора уподобляется «пустому мешку» [28, р. 209].

Категория «выбор» — будучи безусловно абстрактным конструктом — ближе всего к коду СТРАТЕГИЯ. СТРАТЕГИЯ = X — это способ совершить Y, где «коммунальные системы я держу в полном порядке» — это способ исключить «какие-то утечки газа, протечки воды» с результатом «в моем жилище я думаю, что их не будет» (строки 36–38). Связь «так что» (37) является индикатором причинения. Подчеркнем: события в *тексте* — выбор говорящим отношений между событиями в *мире* («утечки газа», «случаются неадекватные соседи»).

Этот код становится основным рабочим материалом следующих фрагментов. В отличие от других (псевдо)каузальных отношений, СТРАТЕГИЯ акцентирует внимание не на отношении «средство – результат» или «источник – следствие», а на выборе средств (способов) достижения некоего заданного результата.

- 43 И: Правильно ли я понимаю,**
44 что отвечая на этот вопрос вы полностью не упомянули —
45 совершенно не упомянули —
46 криминальную опасность?
 47 Р: (.) да. (.)
 48 я ее не упомянула (.) скорей потому что (1.0)
 я —
 49 ну как скажем (1.0) —

- 50 в позднее время суток не хожу домой —
[СТРАТЕГИЯ: управление временем]
- 51 хотя — если бы я возвращалась откуда-то
очень поздно —
- 52 скорей всего я с этим бы столкнулась. Вот.
[СТРАТЕГИЯ: управление временем]
- 53 Поскольку я ухожу на работу в достаточно
людное время,
- 54 и уже светлое время,
- 55 поэтому я с такими ситуациями не сталкива-
юсь. Вот. [С: причины, условия]
- 56 Пожалуй первое-то — почему мне это первое в
голову пришло —
- 57 потому что я все таки — (0.5)
- 58 ну и работаю таким образом что я не сталки-
ваюсь с криминалом — [СТРАТЕГИЯ: см. 64]
- 59 с криминалитетом в каких-то определенных
ситуациях.
- 60 И: Правильно ли было бы сказать, что вы
не сталкиваетесь**
- 61 либо вы избегаете ситуаций, в которых вы
можете сталкиваться?**
- 62 Как было бы правильнее вас понять?**
- 63 Р: Я думаю, что жизнь нас заставила избегать
таких ситуаций (.) [С: источник]
- 64 не ходить в позднее время суток —
[СТРАТЕГИЯ: управление временем]
- 65 чаще — реже — посещать рынки —
[СТРАТЕГИЯ: управление действием]
- 66 ну и (1.0) да пожалуй всё наверно.

В приведенных здесь фрагментах мы не видим *сравнения* способов действия, для чего — как утверждает теория рационального выбора — и существуют ценности. Теория предполагает, что рациональный деятель может взвешивать и выбирать «лучший» (в том или ином смысле, в зависимости от версии теории) способ достижения *одного* результата. Мы полагаем, что результат разных способов действия может быть один только в самом узком понимании, без учета всей картины последствий. Способы различны именно потому, что имеют различные последствия. В конечном итоге — при одинаковом результате — более рациональный способ оборачивается, скажем, экономией издержек. Это также результат выбора действия. Возможно, рациональность выбора является не более чем гипотезой. Мы можем преувеличивать роль произвола оценивающего, рационального человека в изменении мира. Вполне прав может оказаться Джерри Фодор, радикально заявивший: «Только материя обладает силами причинения» [12, р. 196].

С другой стороны, если роль человека сводится только к трансляции заранее определенных мер рациональности (либо морали, закона) на множество выборов, он сам перестает быть носителем выбора, растворяется в мире как источник какой-либо воли. Здесь не возникает ценностей. Йон Элстер пытался — сохраняя рациональный выбор — вернуть произвол в теорию. В серии работ он развивает концепцию ограниченной рациональности, в которой человек сознательно может отказываться от наиболее привлекательного выбора [7, 8, 9, 10, 11]. Цирцея предупреждает Одиссея о губительности сирен, зазывающих моряков. Разумный царь затыкает гребцам уши воском и приказывает привязать себя к мачте. Хотя в итоге Одиссей соблазняется зовом сирен, он связан и потому следует прежним курсом на Итаку — выбирает *меньшее*. Эта попытка спасти рациональность неудачна не только потому, что и здесь ценности сводятся к нормам. Агент заранее дает обещание воздержаться от соблазна, чтобы затем, оказавшись в ситуации выбора между соблазном и разумным, преодолеть тягу к губительной и привлекательной альтернативе, подкрепив себя нравственным чувством выполнения обета. Эта чрезвычайно искусственная версия возникновения иррациональной морали из рациональности выбора является, в буквальном смысле, *мифом* о создании ценностей — ведь правильный выбор Одиссеем способа спасения был результатом появления на сцене системы ценностей в готовом виде. Мораль появляется из чувства долга, но откуда появляется нравственная ценность самого долга, само представление о превосходстве воздержания и дефекте соблазнов, о необходимости обязательств?

Герои мифа Элстера оказались заранее осведомлены о результатах своего будущего эмпирического опыта. В МШ открытие универсальности структуры ценностей тоже заранее предопределено выведением универсальности ценностей из общечеловеческой природы еще на этапе формулирования теории. В обоих проектах эмпирический этап только подтвердил ожидания. МШ задает не тот вопрос, не слышит, что же на самом деле говорят респонденты, — но интерпретация — как пророчество Цирцеи в мифе о сиренах — является из априорно заданной теории ценностей. Когда в драматургию исследовательского проекта вмешивается *deus ex machina*, реальные участники взаимодействия в поле уже не могут нести ответственность за исследовательские результаты.

Во фрагменте 67–72 уточняющий вопрос (строки 67–68) применялся для контроля компоненты «убеждение».

67 И: Есть у вас какое-то правило безопасности — как вы должны себя вести,

68 думаете ли вы о нем, вспоминаете ли вы о нем, руководствуетесь им?

69 Р: (.) Ну, я думаю, что нет.

70 Я конечно об этом думаю, но почему-то ничего не предпринимаю —

71 т.е. в этом случае я, наверное (.) пассивно себя веду —

72 наверно, это неправильно. [ИЗМЕРЕНИЕ: атрибуция].

Представление о респонденте, углубляющемся при вопросе в размышления о феномене (определенном в соответствии с ожиданиями исследователя), является иллюзорной картиной. В действительности респондент буквально «ищет» и «отбирает» факты из своего опыта, отвечающие смыслу вопроса [46]. Наши вспомогательные вопросы, буквально подводящие респондентов к категоризации своего опыта в терминах определения ценностей в МШ («убеждения», «выбор»), не привели к воспроизведению дефиниций МШ.

В целом же следует сделать два вывода (типичные для нашей выборки респондентов):

- 1) респонденты не выполняли ожидаемое МШ вопросное задание оценить *важность* ценных объектов — они выполняли фактическое задание оценить *сходство* с «человеком, которому важно», либо спонтанно переходили к описанию своего поведения или ситуаций;
- 2) даже после корректировки рассуждений респондентов дополнительными вопросами они не распознают в своем опыте убеждений относительно целевых и предпочитаемых состояний.

Ценности, по-видимому, представляют прошлый «выученный» опыт. Хэтчен, предлагавший изучать ценности аналитически на основе экспериментальных данных [25], считал, что ценность как критерий выбора всегда остается за спиной действующего. Поскольку же для актора критерий — обязательная компонента любой ситуации и объекта — подобно кислороду, он остается невидимым. Поэтому в основанных на наблюдении системах категорий и отношений GT и Спрэдди нет категории, описывающей выбор. Способ категоризации опыта является продуктом и отражением

внешней ситуации и деятельности людей. Они руководствуются не выбором предпочитаемых целей либо средств независимо от ситуаций, а использованием доступных средств в зависимости от ситуаций, в которых они оказываются. Это наблюдение подтверждает знаменитый афоризм профессора Джеймса Дюзенберри: «Экономика — вся о том, как люди делают выбор, социология — почему у них нет никакого выбора...»

Список литературы

1. Кузнецов А.Е. Что исследует модель Шварца? // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. Вып. 3(19). С. 110–116.
2. *Россия в Европе: по материалам международного проекта «Европейское социальное исследование»* / под общ. ред. А.В. Андреевской, Л.А. Беляевой. М.: Academia. 2009. 384 с.
3. Сакс Х. Социологическое описание // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5, № 1. С. 43–53. URL: http://sociologica.hse.ru/data/2011/03/14/1211452829/5_1_7.pdf (accessed: 28.01.2016).
4. Charmaz K. *Constructing Grounded Theory: A Practical Guide Through Qualitative Analysis*. L.: SAGE, 2006. 208 p.
5. Cheng A.-S., Fleischmann K.R. *Developing a Meta-Inventory of Human Values* // *Proceedings of the American Society for Information Science and Technology*. 2010. Vol. 47, № 1. P. 1–10.
6. Davidov E., Schmidt P., Schwartz S.H. *Bringing values back in: the adequacy of the European Social Survey to measure values in 20 countries* // *Public Opinion Quarterly*. 2008. Vol. 72, № 3. P. 420–445. URL: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0168-ssoar-66692> (accessed: 28.07.2014).
7. Elster J. *Ulysses and the sirens: the studies of rationality and irrationality*. Cambridge, Cambridge University Press, 1979. 193 p.
8. Elster J. *Sour grapes: studies in the subversion of rationality*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 178 p.
9. Elster J. *Solomonic judgements: studies in the limitations of rationality*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 232 p.
10. Elster J. *Social Norms and Economic Theory* // *Journal of Economic Perspectives*. 1989. Vol. 3(4). P. 99–117. URL: <http://www.geocities.ws/hmelberg/elster/elarticb.htm> (accessed: 13.06.2015).
11. Elster J. *Ulysses Unbound*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 308 p.
12. Fodor J.A. *The language of thought revisited*.

- Oxford: Clarendon press, 2008. 228 p.
13. *Geertz C.* Local knowledge. N.Y.: Basic Books, 1983. 244 p.
 14. *Glaser B.G.* Theoretical Sensitivity. Mill Valley, CA: Sociology Press, 1978. 164 p.
 15. *Glaser B.G.* (with the assistance of J. Holton). Remodeling Grounded Theory [80 paragraphs] // Forum Qualitative Sozialforschung / Forum Qualitative Social Research. 2004, March. Vol. 5(2), art. 4. URL: <http://www.qualitative-research.net/fqstexte/2-04/2-04glaser-e.htm> (accessed: 29.01.2016).
 16. *Grice H.P.* Logic and conversation // Syntax and semantics: Speech acts / eds. by P. Cole, J.L. Morgan. N.Y.: Academic Press, 1975. Vol. 3. P. 41–58.
 17. *Hallberg L. R.-M.* The «core category» of grounded theory: Making constant comparisons // International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-being. 2006. Vol. 1. P. 141–148.
 18. *Heise D.R.* Causal Analysis. [Electronic Edition. Original publication, 1975, New York, Wiley.] Bloomington, IN: Author, 2001. URL: http://www.indiana.edu/~socpsy/public_files/CausalAnalysis.zip (accessed: 12.03.2015).
 19. *Heise D.R., Durig A.A.* Frame for Organizational Actions and Macroactions // Journal of Mathematical Sociology. 1997. Vol. 22(2). P. 95–123.
 20. *Hernandez Ch.A.* Are there two methods of grounded theory? Demystifying the methodological debate // Grounded Theory Review. 2008. Vol. 7, № 2. URL: <http://groundedtheoryreview.com/2009/06/30/1036/> (accessed: 13.06.2015).
 21. *Hofstede G.* Dimensions do not exist: A reply to Brendan McSweeney // Human Relations. 2002. Vol. 55(11). URL: <http://users.utu.fi/freder/hofstede.pdf> (accessed: 28.07.2014).
 22. *Hofstede G.J., Pedersen P.B., Hofstede G.H.* Exploring culture: exercises, stories, and synthetic cultures. Yarmouth: Intercultural Press, 2002. 231 p.
 23. *Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M.* Cultures and organizations: Software of the mind. L.: McGraw-Hill, 2010. 558 p.
 24. *Hofstede G.* Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context // Online Readings in Psychology and Culture. 2011. Vol. 2(1). URL: <http://dx.doi.org/10.9707/2307-0919.1014> (accessed: 28.04.2015).
 25. *Hutcheon P.D.* Value Theory: Towards Conceptual Clarification // The British Journal of Sociology. 1972. Vol. 23, № 2. P. 172–187.
 26. *Hymes D.* Ethnography, Linguistics, Narrative Inequality: Toward an Understanding of Voice. L.: Taylor & Francis, 1996. 258 p.
 27. *Kelle U.* «Emergence» vs. «Forcing» of Empirical Data? A Crucial Problem of «Grounded Theory» Reconsidered // Forum Qualitative Sozialforschung / Forum Qualitative Social Research. 2005. Vol. 6, art. 27. URL: <http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/467/1000> (accessed: 29.01.2016).
 28. *Kelle U.* The development of categories: Different approaches in grounded theory // The Sage handbook of grounded theory / eds. by A. Bryant, K. Charmaz. L.: SAGE, 2007. P. 191–213. URL: https://is.muni.cz/el/1423/jaro2013/MVZ453/um/SAGE_bryant_charmaz_191-214.pdf (accessed: 26.01.2016).
 29. *Kenny M., Fourie R.* Tracing the history of grounded theory methodology: From formation to fragmentation // The Qualitative Report. 2014. Vol. 19(103). P. 1–9. URL: <http://www.nova.edu/ssss/QR/QR19/kenny103.pdf> (accessed: 26.01.2016).
 30. *Kluckhohn C.* Values and value-orientations in the theory of action: An exploration in definition and classification // Toward a general theory of action / eds. by T. Parsons, E.A. Shils. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1951. P. 388–433.
 31. *McSweeney B.* Hofstede's model of national cultural differences and their consequences: A triumph of faith — a failure of analysis // Human Relations. 2002. Vol. 55. P. 89–118. URL: <http://www.uk.sagepub.com/managingandorganizations/downloads/Online%20articles/ch05/4%20-%20McSweeney.pdf> (accessed: 28.07.2014).
 32. *Methoden der Textanalyse: Leitfaden und Überblick* / S. Titscher, R. Wodak, M. Meyer, E. Vetter. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1998. 378 p.
 33. *Mey G., Mruck K.* Grounded-Theory-Methodologie: Entwicklung, Stand, Perspektiven // Mey G., Mruck K. Grounded Theory Reader. Wiesbaden, VS: Verl. für Sozialwiss, 2011. P. 11–48.
 34. *Nardon L., Steers R.M.* The culture theory jungle: divergence and convergence in models of national culture // Cambridge Handbook of Culture, Organizations, and Work / eds. by R.S. Bhagat, R.M. Steers. 2009. P. 3–22. URL: <http://dx.doi.org/10.1017/CBO9780511581151.002> (accessed: 21.06.2014).
 35. *Sacks H., Schegloff E. A., Jefferson G.* A Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking for Conversation // Language. 1974. Vol. 50, № 4, part 1. P. 696–735. URL: <http://links.jstor.org/sici?sici=0097-8507%28197412%2950%3A4%3C696%3AASSFT%3E2.0.CO%3B2-R> (accessed: 04.05.2014).

36. *Saldaña J.* The Coding Manual for Qualitative Researchers. L.: SAGE, 2009. 226 p.
37. *Saville-Troike M.* The ethnography of communication : an introduction. 3rd ed. Oxford: Blackwell Publishing, 2003. 325 p.
38. *Schwarz N.* Cognitive Aspects of Survey Methodology // *Applied Cognitive Psychology*. 2007. Vol. 21. P. 277–287.
39. *Schwartz S.H.* Are there universal aspects in the structure and contents of human values? // *Journal of Social Issues*. 1994. Vol. 50, № 4. P. 19–45. URL: <http://dev.crs.org.pl:4444/rid%3D1K6GFZBH9-255VHHF-GZ/Schwartz%25201994%2520-%2520Are%2520there%2520universal%2520aspects%2520in%2520the%2520content%2520of%2520human%2520values.pdf> (accessed: 21.06.2014).
40. *Schwartz S.H.* A Theory of cultural values and some implications for work // *Applied Psychology: An International Review*. 1999. Vol. 48(1). P. 23–47. URL: [http://www.winforbase.de/lehre%5Civ_materialien.nsf/intern01/86A6F70E229D92A6C1257871005977E8/\\$FILE/Schwartz%20-%20Cultural%20Values,%20Work%20Values.pdf](http://www.winforbase.de/lehre%5Civ_materialien.nsf/intern01/86A6F70E229D92A6C1257871005977E8/$FILE/Schwartz%20-%20Cultural%20Values,%20Work%20Values.pdf) (accessed: 28.09.2014).
41. *Schwartz S.H.* An Overview of the Schwartz Theory of Basic Values // *Online Readings in Psychology and Culture*. 2012. Vol. 2(1). URL: <http://dx.doi.org/10.9707/2307-0919.1116> (accessed: 30.07.2014).
42. *Silverman D.* Who cares about «experience»? — Missing issues in qualitative research. // *Qualitative research: theory, method and practice* / eds. by D. Silverman. 2nd ed. L.: SAGE, 2004. P. 342–367.
43. *Spates J.L.* The sociology of values // *Annual Review of Sociology*. 1983. Vol. 9. P. 27–49. URL: http://www.ics.uci.edu/~vid/Readings/Spates_1983_Sociology_of_Values.pdf (accessed 21.06.2014).
44. *Spradley J.P.* Participant observation. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1980. 195 p.
45. *Strauss A., Corbin J.* Basics of Qualitative Research: Grounded Theory Procedures and Techniques. L.: SAGE Publication, 1998. 312 p.
46. *Sudman S., Bradburn N., Schwartz N.* Thinking about answers: The Application of cognitive processes to survey methodology. San Francisco, CA: Jossey-Bass, 1996.
47. *Trompenaars F., Hampden-Turner C.* Riding the waves of culture: understanding cultural diversity in business. 2nd ed. L.: Nicholas Brealey Publishing, 1997. 265 p.
48. *Trompenaars F., Woolliams P.* Business across cultures. Chichester: Capstone Publishing, 2003. 359 p.

References

1. Kuznetsov A.E. [What does the Schwartz's model inquire into?]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Filosofiya. Psihologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»]. 2014, no 3(19), pp. 110–116. (In Russian).
2. *Rossiya v Evrope: po materialam mezhdunarodnogo proekta «Evropejskoe sotsial'noe issledovanie»* [Russia in Europe: following international project «European social study»]. Moscow, Academia Publ., 2009, 384 p. (In Russian).
3. Sachs H. [Sociological descripto]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [The Russian Sociological Review]. 2006. Vol. 5, no 1, pp. 43–53 (in Russian). Available at: http://sociologica.hse.ru/data/2011/03/14/1211452829/5_1_7.pdf (accessed: 28.01.2016). (In Russian).
4. Charmaz K. *Constructing Grounded Theory: A Practical Guide Through Qualitative Analysis*. L.: SAGE, 2006. 208 p. (In English).
5. Cheng A.-S., Fleischmann K.R. Developing a Meta-Inventory of Human Values. *Proceedings of the American Society for Information Science and Technology*. 2010. Vol. 47, № 1. P. 1–10. (In English).
6. Davidov E., Schmidt P., Schwartz S.H. Bringing values back in: the adequacy of the European Social Survey to measure values in 20 countries. *Public Opinion Quarterly*. 2008. Vol. 72, № 3. P. 420–445. URL: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0168-ssoar-66692> (accessed: 28.07.2014). (In English).
7. Elster J. *Ulysses and the sirens: the studies of rationality and irrationality*. Cambridge, Cambridge University Press, 1979. 193 p. (In English).
8. Elster J. *Sour grapes: studies in the subversion of rationality*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 178 p. (In English).
9. Elster J. *Solomonic judgements: studies in the limitations of rationality*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 232 p. (In English).
10. Elster J. *Social Norms and Economic Theory* // *Journal of Economic Perspectives*. 1989. Vol. 3(4). P. 99–117. URL: <http://www.geocities.ws/hmelberg/elster/elartictb.htm> (accessed: 13.06.2015). (In English).
11. Elster J. *Ulysses Unbound*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 308 p. (In English).
12. Fodor J.A. *The language of thought revisited*. Oxford: Clarendon press, 2008. 228 p. (In English).
13. Geertz C. *Local knowledge*. N.Y.: Basic Books, 1983. 244 p. (In English).
14. Glaser B.G. *Theoretical Sensitivity*. Mill Valley,

- CA: Sociology Press, 1978. 164 p. (In English).
15. Glaser B.G. (with the assistance of J. Holton). Remodeling Grounded Theory [80 paragraphs]. *Forum Qualitative Sozialforschung / Forum Qualitative Social Research*. 2004, March. Vol. 5(2), art. 4. URL: <http://www.qualitative-research.net/fqstexte/2-04/2-04glaser-e.htm> (accessed: 29.01.2016). (In English).
 16. Grice H.P. Logic and conversation. *Syntax and semantics: Speech acts* / eds. by P. Cole, J.L. Morgan. N.Y.: Academic Press, 1975. Vol. 3. P. 41–58. (In English).
 17. Hallberg L. R.-M. The «core category» of grounded theory: Making constant comparisons. *International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-being*. 2006. Vol. 1. P. 141–148. (In English).
 18. Heise D.R. Causal Analysis. [Electronic Edition. Original publication, 1975, New York, Wiley.] Bloomington, IN: Author, 2001. URL: http://www.indiana.edu/~socpsy/public_files/CausalAnalysis.zip (accessed: 12.03.2015). (In English).
 19. Heise D.R., Durig A.A. Frame for Organizational Actions and Macroactions. *Journal of Mathematical Sociology*. 1997. Vol. 22(2). P. 95–123. (In English).
 20. Hernandez Ch.A. Are there two methods of grounded theory? Demystifying the methodological debate. *Grounded Theory Review*. 2008. Vol. 7, № 2. URL: <http://groundedtheoryreview.com/2009/06/30/1036/> (accessed: 13.06.2015). (In English).
 21. Hofstede G. Dimensions do not exist: A reply to Brendan McSweeney. *Human Relations*. 2002. Vol. 55(11). URL: <http://users.utu.fi/freder/hofstede.pdf> (accessed: 28.07.2014). (In English).
 22. Hofstede G.J., Pedersen P.B., Hofstede G.H. Exploring culture: exercises, stories, and synthetic cultures. Yarmouth: Intercultural Press, 2002. 231 p. (In English).
 23. Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. Cultures and organizations: Software of the mind. L.: McGraw-Hill, 2010. 558 p. (In English).
 24. Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context. *Online Readings in Psychology and Culture*. 2011. Vol. 2(1). URL: <http://dx.doi.org/10.9707/2307-0919.1014> (accessed: 28.04.2015). (In English).
 25. Hutcheon P.D. Value Theory: Towards Conceptual Clarification. *The British Journal of Sociology*. 1972. Vol. 23, № 2. P. 172–187. (In English).
 26. Hymes D. Ethnography, Linguistics, Narrative Inequality: Toward an Understanding of Voice. L.: Taylor & Francis, 1996. 258 p. (In English).
 27. Kelle U. «Emergence» vs. «Forcing» of Empirical Data? A Crucial Problem of «Grounded Theory» Reconsidered. *Forum Qualitative Sozialforschung / Forum Qualitative Social Research*. 2005. Vol. 6, art. 27. URL: <http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/467/1000> (accessed: 29.01.2016). (In English).
 28. Kelle U. The development of categories: Different approaches in grounded theory. *The Sage handbook of grounded theory* / eds. by A. Bryant, K. Charmaz. L.: SAGE, 2007. P. 191–213. URL: https://is.muni.cz/el/1423/jaro2013/MVZ453/um/SAGE_bryant_charmaz_191-214.pdf (accessed: 26.01.2016). (In English).
 29. Kenny M., Fourie R. Tracing the history of grounded theory methodology: From formation to fragmentation. *The Qualitative Report*. 2014. Vol. 19(103). P. 1–9. URL: <http://www.nova.edu/ssss/QR/QR19/kenny103.pdf> (accessed: 26.01.2016). (In English).
 30. Kluckhohn C. Values and value-orientations in the theory of action: An exploration in definition and classification. *Toward a general theory of action* / eds. by T. Parsons, E.A. Shils. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1951. P. 388–433. (In English).
 31. McSweeney B. Hofstede's model of national cultural differences and their consequences: A triumph of faith — a failure of analysis // *Human Relations*. 2002. Vol. 55. P. 89–118. URL: <http://www.uk.sagepub.com/managingandorganizationaldownloads/Online%20articles/ch05/4%20-%20McSweeney.pdf> (accessed: 28.07.2014). (In English).
 32. Methoden der Textanalyse: Leitfaden und Überblick / S. Titscher, R. Wodak, M. Meyer, E. Vetter. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1998. 378 p. (In English).
 33. Mey G., Mruck K. Grounded-Theory-Methodologie: Entwicklung, Stand, Perspektiven. *Mey G., Mruck K. Grounded Theory Reader*. Wiesbaden, VS: Verl. für Sozialwiss, 2011. P. 11–48. (In English).
 34. Nardon L., Steers R.M. The culture theory jungle: divergence and convergence in models of national culture. *Cambridge Handbook of Culture, Organizations, and Work* / eds. by R.S. Bhagat, R.M. Steers. 2009. P. 3–22. URL: <http://dx.doi.org/10.1017/CBO9780511581151.002> (accessed: 21.06.2014). (In English).
 35. Sacks H., Schegloff E. A., Jefferson G. A Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking for Conversation. *Language*. 1974. Vol. 50, № 4, part 1. P. 696–735. URL: <http://links.jstor.org/sici?sici=0097-8507%28197412%2950%3A4%3C696%3AASSFTO%3E2.0.CO%3B2-R> (accessed: 04.05.2014). (In English).
 36. Saldaña J. The Coding Manual for Qualitative Researchers. L.: SAGE, 2009. 226 p. (In English).

37. Saville-Troike M. The ethnography of communication : an introduction. 3rd ed. Oxford: Blackwell Publishing, 2003. 325 p. (In English).
38. Schwarz N. Cognitive Aspects of Survey Methodology. *Applied Cognitive Psychology*. 2007. Vol. 21. P. 277–287. (In English).
39. Schwartz S.H. Are there universal aspects in the structure and contents of human values? *Journal of Social Issues*. 1994. Vol. 50, № 4. P. 19–45. URL: <http://dev.crs.org.pl:4444/rid%3D1K6GFZBH9-255VHHF-GZ/Schwartz%25201994%2520-%2520Are%2520there%2520universal%2520aspects%2520in%2520the%2520content%2520of%2520human%2520values.pdf> (accessed: 21.06.2014). (In English).
40. Schwartz S.H. A Theory of cultural values and some implications for work. *Applied Psychology: An International Review*. 1999. Vol. 48(1). P. 23–47. URL: [http://www.winfbase.de/lehre%5Civ_materialien.nsf/intern01/86A6F70E229D92A6C1257871005977E8/\\$FILE/Schwartz%20-%20Cultural%20Values,%20Work%20Values.pdf](http://www.winfbase.de/lehre%5Civ_materialien.nsf/intern01/86A6F70E229D92A6C1257871005977E8/$FILE/Schwartz%20-%20Cultural%20Values,%20Work%20Values.pdf) (accessed: 28.09.2014). (In English).
41. Schwartz S.H. An Overview of the Schwartz Theory of Basic Values. *Online Readings in Psychology and Culture*. 2012. Vol. 2(1). URL: <http://dx.doi.org/10.9707/2307-0919.1116> (accessed 30.07.2014). (In English).
42. Silverman D. Who cares about «experience»? — Missing issues in qualitative research. *Qualitative research: theory, method and practice* / eds. by D. Silverman. 2nd ed. L.: SAGE, 2004. P. 342–367. (In English).
43. Spates J.L. The sociology of values. *Annual Review of Sociology*. 1983. Vol. 9.P. 27–49. URL: http://www.ics.uci.edu/~vid/Readings/Spates_1983_Sociology_of_Values.pdf (accessed: 21.06.2014). (In English).
44. Spradley J.P. Participant observation. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1980. 195 p. (In English).
45. Strauss A., Corbin J. Basics of Qualitative Research: Grounded Theory Procedures and Techniques. L.: SAGE Publication, 1998. 312 p. (In English).
46. Sudman S., Bradburn N., Schwartz N. Thinking about answers: The Application of cognitive processes to survey methodology. San Francisco, CA: Jossey-Bass, 1996. (In English).
47. Trompenaars F., Hampden-Turner C. Riding the waves of culture: understanding cultural diversity in business. 2nd ed. L.: Nicholas Brealey Publishing, 1997. 265 p. (In English).
48. Trompenaars F., Woolliams P. Business across cultures. Chichester: Capstone Publishing, 2003. 359 p. (In English).

The date of the manuscript receipt 01.02.2016

Об авторе

Кузнецов Александр Евгеньевич

кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: kzntsv@list.ru

About the author

Kuznetsov Alexander Evgenjevich

PhD. in Sociological Sciences, Associate Professor
of Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: kzntsv@list.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Кузнецов А.Е. Улисс в культурных джунглях: насколько эмпирична модель Шварца? // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 1(25). С. 102–117.

Please cite this article in English as:

Kuznetsov A.E. Ulysses in the culture jungle: how empirical is Schwartz's model? // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 1(25). P. 102–117.